

Ю. Н. Смирнов**Вопрос о контроле над школами немецких колоний в период попечительства М. Л. Магницкого в Казанском учебном округе и после его отставки**

В статье дан анализ влияния попечителя Магницкого на школы немецких переселенцев в Казанском учебном округе. Основными вопросами в отношении них с 1824 г. стало установление надзора со стороны органов народного просвещения и введение обучения русскому языку. Однако это стремление встретило противодействие протестантского духовенства, поддержанного учреждениями, управлявшими колониями. Обсуждение вопроса продолжалось и после отставки Магницкого в 1826 г., но было в 1828 г. закончено без какого-либо положительного решения. Попытка модернизации традиционной протестантской школы у колонистов в 1820-е гг. оказалась неудачной, поскольку толчок к тому могло дать только установление государственного контроля над приходскими училищами. Возвращение к данному вопросу произошло уже в эпоху Великих реформ.

Ключевые слова: Россия в XIX в., история Поволжья, этнические процессы, модернизация, общественная мысль, народное образование.

Первые десятилетия XIX в. были непростым периодом для модернизационных процессов в российской культуре в связи с колебаниями правительственной политики в сфере образования и науки. Эти повороты, временами принимавшие резкий характер, принято связывать в историографии с назначениями тех или иных лиц на важные управленческие должности в указанной сфере. Пожалуй, одним из самых ярких примеров тому стало назначение М. Л. Магницкого в Казанский учебный округ попечителем, то есть его руководителем.

В отличие от парадигмы, сложившейся в работах либеральных и советских авторов, где Магницкий является «символом мракобесия, обскурантизма и крайней реакции», современные исследователи стали дистанцироваться от подобных ярлыков [13, с. 241]. В настоящее время утверждается более взвешенная оценка сложной, неоднозначной ситуации тех лет в Казанском университете и в учебном округе в целом [10, с. 63]. Признается, что попечитель сделал там «много полезного и ценного» [25, с. 162]. Конечно, в ряде случаев Магницкий действительно выставлял себя ретроградом и по принципиальным вопросам, и в мелочах, например требуя убрать из учебных заведений изображения покровителей искусств и наук Аполлона или Минервы, обычные для насыщенной античными традициями эпохи классицизма, поскольку «христианские училища не должно украшать изображениями язычников» [1, с. 88]. Таким образом, вопрос об объективной оценке его роли требует дальнейшего изучения и объяснения.

Несмотря на обильную литературу, которая посвящена Магницкому или затрагивает его деятельность, не все аспекты такой деятельности оказались освещенными. В частности, не рассматривалось его отношение к традиционным национальным формам образования и социализации молодежи у представителей отдельных этносов и конфессий России, разве что упоминались попытки попечителя Казанского учебного округа «организовать сельские школы ланкастерского типа для инородцев Поволжского региона» [6, с. 136]. Так, оказались полностью обойдены вниманием взгляды Магницкого и предлагаемые им меры, связанные с обучением детей в немецких колониях.

В имеющейся литературе о немецких школах в Поволжье отношение к ним Магницкого как попечителя Казанского учебного округа также не упоминается, хотя показано, что именно в конце 1810-х — 1820-е гг. коронные чиновники училищного ведомства

© Смирнов Ю. Н., 2018

обратили внимание на эти школы. Как заметила И. В. Черказьянова, в фондах Казанского университета и Казанского учебного округа, которые хранятся в Национальном архиве Республики Татарстан (НАРТ), «первые самостоятельные архивные дела о немецких школах» появляются только в 1820-е гг. Это замечание нашло свое подтверждение в ходе работы над данной статьей, источниками которой стали дела названного архива, а также опубликованные материалы, в том числе в Первом и Втором собраниях Полного собрания законов Российской империи. Вышеназванная исследовательница верно указала также на то, что профессора Казанского университета, в ведение которого одноименный округ перешел с 1804 г., и ранее «совершали объезды подведомственных университету учебных заведений, что не исключало посещения и колоний» [24, с. 260].

Действительно, еще один из первых и авторитетных исследователей истории немецких колоний А. А. Клаус писал, что в 1816 г. профессор Эрдман в обзоре училищ Казанского учебного округа отметил среди прочего «весьма худое состояние саратовских колониетских школ» [9, кн. 4, с. 238]. Это привело к включению в Указ от 25 октября 1819 г. «Об учреждении Евангелической Консистории в Саратове» положения о передаче в ведение лютеранского духовенства наблюдения «за порядком училищ, при церкви находящихся» [22, т. XXXVI, № 27953]. Так появился первый законодательный акт на всероссийском уровне, хотя бы частично регулирующий деятельность школ в немецких колониях.

История же обучения детей в немецких колониях началась с самого момента переселения выходцев из Германии в Поволжье после манифестов Екатерины II от 4 декабря 1762 г. о приглашении иностранцам селиться в России [22, т. XVI, № 11720] и от 22 июля 1763 г. о поселении их в разных губерниях, правах и льготах [22, т. XVI, № 11880]. В них, как и в других законодательных актах, регулировавших порядок переселения и устройства колоний, ничего не говорилось об обучении детей. Данный вопрос был полностью отдан на усмотрение самих колонистов. Те воссоздали на новых землях традиционную немецкую школу для простонародья, крестьян и ремесленников, которая «была связана с церковью и готовила учеников к конфирмации, т.е. была связующим звеном между крещением и принятием нового члена в общину» [12, с. 142—143]. Конфирмация была и экзаменом для школьников, и означала окончание обучения, которое в силу важности для религиозной жизни являлось обязательным для всех детей определенного возраста «без всяких исключений» [9, кн. 4, с. 235].

Школа и церковь нередко находились в одном здании, которое в первую очередь нередко строилось именно для учебных целей. У протестантов, составлявших большинство среди немецких переселенцев, было принято «первые прибитки свои» направлять «на устройство школы», а постройка молитвенного дома или церкви откладывалась «до более благоприятного времени»: «За неимением церкви школьный дом служил для общих молитв и обучения детей, а учитель, в качестве кистера, исполняет требы, управляет божественною службою» [9, кн. 1, с. 139].

По мере того как обустроивался быт и укреплялось хозяйство переселенцев, шло упорядочение деятельности школ. Для стороннего человека, в том числе для некоторых русских чиновников, они казались близкими к идеалу в общей картине немецкого благополучия и порядка. Так, в 1822 г. директор пензенских училищ и пензенской гимназии, будущий писатель И. И. Лажечников, проезжая через немецкие поселения Саратовской губернии, видел «поля, прекрасно обработанные, леса, не только сбереженные, но и выхоленные, опрятность в домах, храмы божии и училища в каждой колонии, грамотность». Не оспаривая преимуществ хозяйства и быта колоний перед русскими деревнями, следует признать тот уровень образованности в них, как его описывали русские

соседи, несколько преувеличенным. Даже в начале XX в. для взрослого немца-колони-ста, признававшегося всеми человеком грамотным, процесс чтения гражданских текстов или частных писем был «архисложным»: «Сперва дед называл громко все буквы, потом соединял их в слоги и только после приступом читал слово». Навык в письме нередко ограничивался умением поставить подпись [12, с. 143].

Более свободное обращение с религиозными и богослужебными текстами объяснялось, видимо, привычкой и запоминанием, поскольку в школе главным занятием учеников было заучивание «наизусть катехизиса, молитв, церковных гимнов, текстов из библии и евангелия, нравственных изречений» [9, кн. 4, с. 236]. Учителя-«шкульмейстеры», как правило, не имели профессиональной подготовки и избирались самими колони-стами и их пасторами из числа церковных причетников [21, с. 196]. Жизнь таких учителей проходила в довольно изолированном обществе, где они имели ограниченный «личный опыт учебы в колони-стской школе», не имея педагогических знаний «о каких-либо мето-диках преподавания» [20, с. 195].

Немецкая приходская протестантская школа смотрелась архаично в сравнении с формирующейся российской системой народного образования, развитие которой, при всех имевшихся недостатках и при наличии также большой религиозно-воспитательной составляющей, направлялось усилиями имперской власти по модернизационному пути [27, с. 902]. Именно государство в России, доказывает Б. Н. Миронов, «являлось главным поборником просвещения и прилагало все возможные усилия для его распространения» [14, с. 81]. Его политика, считает Л. М. Артамонова, никогда «по сути не переставала оставаться “просвещенной” в прямом смысле, то есть понимающей необходимость широкого распространения образования и принимающей на себя ответственность за это» [3, с. 49]. Она осуществлялась с участием столичных и губернских чиновников, принадлежавших к «просвещенной бюрократии» [8, с. 16]. Не случайно в основу государственной образовательной системы при Екатерине II легли принципы, разработанные «в католической, но заметно секуляризированной Австрийской империи», правители которой тоже выступали в качестве «философов на троне» [3, с. 46].

Более или менее серьезное внимание на школы немецких колонистов российское правитель-ство и чиновничество обратили в специфических условиях подъема религиозных и мистических настроений в конце правления Александра I. Выразители этих тенденций заняли ведущие позиции в сфере образования. Руководителем Министерства народного просвещения с 1816 г., а с 1817 г. — нового объединенного Министерства духовных дел и народного просвещения стал А. Н. Голицын [15], попечителем столичного Петербургского учебного округа (с 1821 г.) — Д. П. Рунич [11], Казанского (с 1819 г.) — уже упомянутый М. Л. Магницкий.

Организационным центром религиозно-мистического движения, выходявшего за рамки упомянутого министерства и его подразделений, можно считать Библейское общество (1813—1826 гг.), в котором председательствовал тот же Голицын и состояли как его последовательные единомышленники, так и временные союзники. В общество входили представители не только православной, но и других крупнейших христианских конфес-сий в России, католической и лютеранской [13, с. 273—274].

Становится понятным, почему выводом из замечаний профессора Эрдмана стала пе-редача в 1819 г. школьного дела у протестантских колонистов под прямое управление священнослужителей, хотя до того момента традиционно главную роль в этом деле играли общины-приходы. Такая перемена, по мнению исследователей, «не только не помогла школьному делу, но навредила ему, сделав шкульмейстера в буквальном смысле рабом» пастора, который мог теперь взвалить на учителя церковную отчетность, переписку и

другие дела, не имевшие отношения к обучению детей [5, с. 355]. На несколько десятилетий народное образование в немецких колониях Поволжья практически полностью оказалось в руках духовенства вплоть до появления здесь первых земских школ (с 1871 г.) и перехода церковноприходских училищ неправославных вероисповеданий в 1881 г. в ведение Министерства народного просвещения [4, с. 24—25].

В стремлении к секуляризации и модернизации народного образования среди российских немцев, как и к другим реформам, объединили тогда свои усилия представители «просвещенной бюрократии» и образованного общества России [7, с. 16]. Свою роль сыграли статьи упоминавшегося А. А. Клауса в «Вестнике Европы», обобщенные и дополненные затем в его книге «Наши колонии: Опыт и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России», изданной в 1869 г. в Петербурге. Сын кистера-органиста, прошедший традиционную школу в колонии, сумевший продолжить образование в саратовской гимназии, что способствовало его чиновной карьере, считал необходимым преодолеть «смрад обскурантизма», оставленный Библейским обществом и господством клерикалов, приведший школьное дело у немецких колонистов к «печальному» положению. Хотя деятельность этого общества как общероссийской организации была прекращена в 1826 г., но с 1831 г. оно было возрождено в виде исключительно протестантского учреждения [9, кн. 1, с. 139—140].

Несмотря на совпадение вышеупомянутых событий 1819 года по времени и по идейной направленности, известные нам источники не указывают на прямое участие Магницкого, ставшего попечителем Казанского учебного округа, в передаче школ поволжских колонистов под полный контроль духовенства. Немногочисленные дела казанского архива, касающиеся немецких школ при его управлении округом, относятся уже к тому периоду, когда Магницкий переметнулся к политическим противникам своего прежнего патрона А. Н. Голицына, принадлежавшим к так называемой «православной партии», которую возглавляли высокопоставленные церковные иерархи и А. А. Аракчеев [13, с. 284]. Их усилия поспособствовали тому, что в мае 1824 г. министр-мистик отправился в отставку и было восстановлено прежнее Министерство народного просвещения, а затем было закрыто и Библейское общество.

Буквально накануне своей отставки Голицын еще выказывал благочестивое рвение. Так, 5 апреля вышло его распоряжение попечителю Казанского округа «о помещении Высочайшего имени в молитвах, читаемых в училищах» перед началом и по окончании занятий, к которому был приложен утвержденный текст молитвы [17, л. 1—2].

Впрочем, данное распоряжение не касалось немецких школ, поскольку «обязанности соблюдать православные обряды распространялись только на православных учеников», равно как и изучение православного вероучения. Вскоре новый министр народного просвещения А. С. Шишков в предложениях по улучшению деятельности подведомственных учреждений подтвердил, что «греко-католик, римско-католик и лютеранин должны быть воспитаны, первый — в твердом и незыблемом православии, а второй и третий — во всей точности положительного исповедания своей веры» [2, с. 62].

Проявляя веротерпимость, имперское училищное ведомство вместе с тем стало выражать недовольство отсутствием в немецких приходских школах изучения русского языка. Стал подниматься и более важный вопрос об отсутствии контроля за их учебной деятельностью. Инициатива в постановке этого вопроса исходила от чиновников и преподавателей Казанского учебного округа, находившегося в ведении Магницкого и, как известно, контролировавшегося тем весьма жестко.

27 марта 1824 г. ректор Казанского университета К. Ф. Фукс довел до сведения Совета университета рапорт директора училищ Саратовской губернии И. П. Менделеева,

отца будущего великого химика. Директор «в проезд его чрез немецкие колонии, находящиеся в Саратовском, Вольском, Камышинском и Царицынском уездах, узнал, что в тех селениях, где есть патеры или пасторы, учреждены училища, в коих однако вовсе детей не обучают российскому языку». Менделеев, только в 1823 г. приглашенный Магницким на службу в Саратов для наведения порядка в губернской гимназии и дирекции, не имел сведений, «на каких правах те училища и чему в оных обучают». Он просил «разрешения высшего училищного начальства», чтобы обратиться к местным властям по вопросу о правомерности деятельности этих школ. Училищный же комитет университета предложил Совету вообще потребовать от саратовских губернских властей «запретить заведение училищ в губернии... без согласия на то учебного начальства» [18, л. 1, 1 об.].

Однако Совет Казанского университета 29 марта принял более осторожное решение — обратиться к саратовскому гражданскому губернатору с запросом, «на каком основании без ведома университета открыты сии училища, кому они подчинены, и чему в оных обучают, и какие находятся учителя» [18, л. 1 об. — 2]. Губернатор переадресовал полученный запрос в Саратовскую контору опекунов иностранных переселенцев. Оттуда пришел ответ, «что в колониях католического исповедания училища заведываются католическим духовенством и открыты в силу Высочайшего манифеста о вызове колонистов 1763 года июля 22 дня с самого поселения колоний», а «находящиеся в колониях евангелического исповедания училища состоят в ведении Евангелической консистории» [18, л. 3, 3 об.]. Из консистории же пришло сообщение, в котором в качестве обоснования существования школ имелась ссылка на привилегии колонистов, дарованные также в 1763 г. Видимо, подразумевалось позволение «иметь свободное отправление веры по их уставам и обрядам беспрепятственно», поскольку собственно о школах в упомянутом манифесте ничего не говорилось. Консистория, вероятно, поэтому последовательно подчеркивала, что «главный учебный предмет в оных есть наставление в религии». Вторым законодательным обоснованием был назван Указ 25 октября 1819 г., по которому школы были «непосредственно подчинены той консистории» [18, л. 5, 5 об.].

Консистория, не смущаясь, ссылалась также на якобы прописанную в манифесте привилегию, согласно которой «учители школ избираются с одобрения приходских священников самими колонистами и по представлению оными утверждаются консисторией» (чего в законе на самом деле не было). Учителями назывались «церковные служители, в отсутствие пасторов обязанные исправлять богослужение». При этом консистория обошла стороной вопрос об отсутствии обучения русскому языку, поднятый директором саратовских училищ, пояснив только, что, кроме «главного учебного предмета, в наставлении религии состоящегося, обучаются в сих училищах читать, писать и начальным правилам арифметики» [18, л. 5 об.].

Стремясь снять острый вопрос об отсутствии контроля за немецкими школами со стороны учебного ведомства, Евангелическая консистория указала, что «суперинтендент по окончании своих ежегодных обозрений приходов» сообщает «о состоянии сих училищ» министру духовных дел и народного просвещения [18, л. 6]. Конечно, такие донесения шли по линии отчетности по вероисповедным делам, но формально их получало и начальство над делами школьными. Тот факт, что эти функции после отставки А. Н. Голицына были разнесены по разным ведомствам, консистория предпочла проигнорировать.

Ответ Евангелической консистории, показавшей хорошее владение бюрократическим искусством обходить неудобные вопросы, оставил Совет Казанского университета в недоумении. Было решено обратиться к попечителю Магницкому за разрешением,

«должны ли таковые училища находиться вне училищного начальства». Такой запрос Совета за подписью ректора был отправлен попечителю 4 декабря 1824 г. [16, л. 1, 1 об.].

Магницкий не смог сразу ответить на это письмо, полагая, что решение данного вопроса превышает его полномочия. 30 декабря он сам попросил министра народного просвещения решить, передавать ли училища немецких колонистов «под надзор университета или оставить в ведомстве Саратовского суперинтендента». В обоих случаях он полагал необходимым «удостовериться в учении, которое помощью сих училищ в самом сердце России и в большом отдалении от столицы распространяется». Опасения вызывало то, что основания их деятельности и порядок обучения были «совершенно не известны училищному ведомству» [16, л. 3].

Также Магницкий обратился к саратовскому губернатору А. Д. Панчулидзеву с просьбой сообщить, «по чьему распоряжению и на каком особенном основании училища сии основаны и открыты, кто в них определен учителями». Его также интересовало, имеют ли эти учителя «законное право на обучение, каким предметам обучают и по каким книгам» [16, л. 4].

Губернатор с заметной задержкой и не без некоторого раздражения сообщил в конце октября 1825 г. Магницкому, что подобные сведения уже были отправлены Совету Казанского университета [16, л. 5 об.]. Панчулидзев на сей раз просто повторил эти сведения, добавив к ним копии Манифеста 22 июля 1763 г. и Указа 25 октября 1819 г.

Что касается министра просвещения, то определенного ответа Магницкий от него так и не получил, а сам к какому-то окончательному выводу о порядке контроля над колонистскими школами не пришел. Времени на решение дела у него не оставалось. Отставка Голицына вовсе не укрепила собственного положения Магницкого. Над ним самим сгустились тучи, а после смены на престоле разразилась гроза. Новый император Николай I сначала назначил проверку его деятельности, а 6 мая 1826 г. отправил Магницкого в отставку. Исполнять должность попечителя Казанского учебного округа временно назначили сначала К. Ф. Фукса, а с 24 февраля 1827 г. — М. Н. Мусина-Пушкина.

Новому руководителю учебного округа 1 июня 1827 г. было сделано напоминание со стороны министра народного просвещения о необходимости все-таки вернуться к «делу, начавшемуся с представления Совета Казанского университета» 4 декабря 1824 г., «о надзоре за училищами в Саратовских колониях иностранных поселенцев» [18, л. 7]. При этом министр А. С. Шишков сообщал о том, что согласованную позицию в данном вопросе высказали Ученый комитет Главного правления училищ и Департамент иностранных исповеданий. Ими было заявлено, что «с терпимостью вер несообразно было бы подчинение подобных учебных заведений университету другого исповедания». Обучение «колонистских детей под управлением духовенства того же исповедания» не вызывало возражений, а потому должно было осуществляться «независимо от гражданского учебного начальства» [16, л. 18].

Таким образом, права инославных конфессий были поставлены выше государственной унификации образовательных требований и управления школьным делом, на которую ориентировались Магницкий и Фукс, поднимая рассматриваемый здесь вопрос о контроле над приходскими училищами. Однако независимость немецких школ от российских властей вновь была поставлена под сомнение императорским рескриптом 19 августа 1827 г. на имя Шишкова. В нем предписывалось распространить надзор Министерства народного просвещения «на все училища без исключения, кроме военных и духовных» [23, т. II, № 1308].

Чтобы приступить к реализации данного решения, Училищный комитет Казанского университета прежде всего разослал циркуляр в губернские дирекции подведомствен-

ного учебного округа о предоставлении сведений обо всех «училищах, не подведомых Министерству народного просвещения, исключая военных и духовных, с подробным показанием: когда заведены они, на каких правилах, кто преподаватели в оных и какие науки преподаются» [19, л. 3 об.]. Директор училищ Саратовской губернии Я. А. Миллер, который сменил на этом посту Менделеева и ранее показывал себя последовательным единомышленником Магницкого, счел необходимым потребовать такие сведения и от Саратовской конторы опекунов иностранных поселенцев. По оценке директора, в ее ведении состояло «более пятидесяти училищ» [19, л. 52 об.].

5 декабря 1827 г. он сообщал Училищному комитету о полученном ответе из упомянутой конторы, очень кратко и в основном повторяющем те не очень подробные сведения, что получил Казанский университет из Евангелической консистории через саратовского губернатора. Тактика защиты от вмешательства российских гражданских властей в школы колонистов оставалась прежней. Опять подчеркивалась исключительная и ведущая роль Закона Божьего среди предметов и то, что шультейстеры были одновременно церковными дьячками. Однако Миллер указал на слабость аргументации при попытке представить эти училища «духовными и, следовательно, не подлежащими надзору Министерства народного просвещения», поскольку «учащиеся в оных не приготавливаются к духовному званию», как, например, в семинариях православной церкви и других исповеданий [19, л. 75 об.]. Действительно, как показано в литературе, настоящее «духовное образование служило важнейшим фактором при занятии церковной должности» [7, с. 18], а также давало подготовку служителям церкви для учительской и исследовательской деятельности [26, с. 16, 18].

Среди основных целей установления министерского контроля над школами колонистов саратовский директор ставил введение в них обучения русскому языку. Миллер ссылаясь на растущее число колонистов, желавших для своих детей умения говорить, читать, писать по-русски. Он приводил в пример случаи, когда родители с этой целью отдавали их в уездные училища. Однако такой шаг требовал дополнительных расходов из-за отдаленности от колоний городов, где находились училища, а также лишал возможности продолжить изучение родного немецкого языка, который в уездных училищах не преподавался [19, л. 235 об.].

Однако попытка хотя бы частичной модернизации церковных школ в Поволжье под контролем имперских образовательных органов в 1820-е гг. не удалась. В 1828 г. произошла очередная смена министра народного просвещения и эту должность занял К. А. фон Ливен. Тот посчитал возможным исключить из «общего надзора» своего министерства те училища, в которых преподается только «учение о вере» и которые, по «мнению Департамента духовных дел иностранных исповеданий, должны быть в непосредственном ведении местного духовного начальства» [16, л. 22 об.].

Исполняющий обязанности попечителя Казанского учебного округа М. Н. Мусин-Пушкин предпочел в сложившейся ситуации не высказывать своего мнения, которое у него запрашивал еще министр Шишков. Он просто довел 5 октября 1828 г. до сведения Совета Казанского университета и директора саратовских училищ вышеприведенное указание министра, прекратив дальнейшее обсуждение данного вопроса, поднятого при его «предместнике» М. Л. Магницком [18, л. 7—8].

Без воздействия со стороны государства не приходилось ожидать никаких шагов по введению в училищах колонистов предметов, выходящих за рамки традиционного обучения. Более того, протестантские священники получили дополнительный стимул не желать перемен, особенно в наборе школьных дисциплин, чтобы не давать повода властям вывести эти училища из числа «духовных» и установить какой-либо контроль за учеб-

ным делом в них. Разумеется, не было и речи о преподавании русского языка, что отвечало намерениям сторонников изоляции паствы от контактов с русским и русскоязычным окружением.

Таким образом, влияние «эпохи Магницкого» на немецкие школы в Казанском учебном округе было двояким. Подъем религиозно-мистических настроений в конце царствования Александра I способствовал и назначению этого деятеля попечителем округа в 1819 г., и передаче в том же году приходских училищ в протестантских колониях под полное управление духовенства (у переселенцев-католиков такая практика уже существовала). Однако в 1824 г., когда Магницкий оказался на стороне противников А. Н. Голицына и Библейского общества, при явном согласии попечителя Казанский университет и дирекция училищ Саратовской губернии подняли вопрос о постановке упомянутых школ под контроль имперского ведомства народного просвещения. Одной из главных целей предлагаемого шага было введение в них изучения русского языка. Как было показано в нашем исследовании, при Магницком вопрос о государственном надзоре за школами в колониях не был решен, а после его отставки был совсем снят с обсуждения, прежде всего усилиями лютеранского духовенства. К проблеме модернизации народного образования в немецких колониях «просвещенная бюрократия» и передовая общественность вернулись в эпоху реформ 1860-х — 1870-х гг.

Список использованных источников и литературы

1. Артамонова Л. М. Деревянная голова Минервы. Самарское общество и народное просвещение при Александре I // Родина. 2011. № 7. С. 86—88.
2. Артамонова Л. М. Закон Божий в школах России и Поволжья при Александре I // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2013. № 8-2 (109). С. 55—64.
3. Артамонова Л. М. Самая просвещенная реформа // Родина. 2010. № 2. С. 45—49.
4. Вашкау Н. Э. Духовная культура немцев Поволжья: проблемы школы и образования 1764—1941 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 1998. 38 с.
5. Дитц Я. Е. История поволжских немцев-колонистов. 3-е изд. М., 2000. 495 с.
6. Долгов Е. Б. «Не сопутствуемый ничьей любовью» (судьба М. Л. Магницкого) // Гасырлар авазы. 2011. № 3/4. С. 134—140.
7. Карнишина Н. Г. Государственно-церковные отношения в России во второй половине XIX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 5 (31). С. 16—22.
8. Карнишина Н. Г. Реформы просвещенной бюрократии в России на примере работы редакционных комиссий 1850-х гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2016. № 3 (39). С. 15—25.
9. Клаус А. А. Духовенство и школы в наших немецких колониях // Вестник Европы. 1869. Т. 1, кн. 1. С. 138—174; кн. 4. С. 235—274.
10. Климкина Э. В. Религиозное воспитание в России последних лет царствования Александра I // Культура и история в компаративном измерении : материалы I Всерос. науч.-методол. семинара. Самара, 2012. С. 61—66.
11. Климкина Э. В. Тема образования и воспитания в работах Д. П. Рунича // Модернизация культуры: порядки и метаморфозы коммуникации : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Самара, 2015. Ч. 1. С. 236—240.
12. Маскарова Т. А. Роль школьного образования в процессе формирования единого языка общения в колониях немцев Поволжья // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 1 (43): в 2 ч. Ч. 2. С. 142—146.
13. Минаков А. Ю. Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011. 560 с.
14. Миронов Б. Н. Культурный капитал России за тысячу лет // Экономическая политика. 2013. № 1. С. 62—95.
15. Назаренко Е. Ю. Эволюция религиозных взглядов князя А. Н. Голицына // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. 2014. Т. 29, № 1 (172). С. 82—88.
16. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 92. Оп. 1. Д. 1605.
17. НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 1744.

18. НАРТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 948.
19. НАРТ. Ф. 977. Оп. Училищный комитет. Д. 1025.
20. Плева И. Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. М., 2008. 400 с.
21. Поволжье — «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI — начало XX в.) / под ред. Э. Л. Дубмана, П. С. Кабытова. Самара, 2007. 328 с.
22. Полное собрание законов Российской империи: [Собрание 1-е : в 45 т.]. СПб. : тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1830.
23. Полное собрание законов Российской империи: [Собрание 2-е : в 55 т.]. Санкт-Петербург : тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1830—1885.
24. Черказьянова И. В. Центральные немецкие училища Поволжья в 1833—1917 годах (по материалам Национального архива Республики Татарстан) // Немцы Сибири: история и культура : материалы 5-й Международ. науч.-практ. конф., Омск, 2006. С. 259—266.
25. Шакирова Л. К. М. Л. Магницкий как попечитель Казанского университета // Высшее образование в России. 2005. № 8. С. 162—164.
26. Якунин В. Н. История Самарской епархии: историография проблемы // Карельский научный журнал. 2014. № 3. С. 16—23.
27. Artamonova L. M. Modernization of “Collective Beliefs” and “Cultural Capital” in the Russian Empire: from Enlightened Absolutism to Civil Society // Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. № 41-1 (3). С. 899—907.

Поступила в редакцию 18.11.2017

Смирнов Юрий Николаевич, доктор исторических наук, профессор
Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С. П. Королева
Российская Федерация, 443011, Самара, ул. Академика Павлова, 1
E-mail: smirnov195503@yandex.ru

UDC 94(47)“182”

Yu. N. Smirnov

Question of control over schools in the German colonies during M. L. Magnitsky's management of the Kazan educational district and after his resignation

The article analyzes the influence of the trustee Magnitsky on the schools of German immigrants in the Kazan educational district. Since 1824 the main issues concerning these schools have been the establishment of supervision by the public education authorities and the introduction of teaching the Russian language. However, this aspiration has met the opposition of the Protestant clergy, supported by the institutions that operated the colonies. The discussion of the issue continued after the resignation of Magnitsky in 1826, but it was completed without any positive decision in 1828. In the 1820s the attempt to modernize the traditional Protestant school in the colonies were unsuccessful as only the establishment of the state control over parish schools could give an impetus to that process. The return to these issues occurred in the era of the Great Reforms again.

Key words: Russia in the 19th century, the history of Volga region, ethnic processes, modernization, social thought, public education.

Smirnov Yuri Nikolayevich, Doctor of Historical Sciences, Professor
Samara National Research University
Russian Federation, 443011, Samara, ul. Akademika Pavlova, 1
E-mail: smirnov195503@yandex.ru

References

1. Artamonova L. M. Derevyannaya golova Minervy. Samarskoe obshchestvo i narodnoe prosveshchenie pri Aleksandre I [The wooden head of Minerva. Samara Society and Public Education under Alexander I]. *Rodina*, 2011, no. 7, pp. 86—88. (In Russian)

2. Artamonova L. M. Zakon Bozhii v shkolakh Rossii i Povolzh'ya pri Aleksandre I [The law of God in the schools of Russia and the Volga region under Alexander I]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya*, 2013, no. 8-2 (109), pp. 55—64. (In Russian)
3. Artamonova L. M. Samaya prosveshchennaya reforma [The most enlightened reform]. *Rodina*, 2010, no. 2, pp. 45—49. (In Russian)
4. Vashkau N. E. *Dukhovnaya kul'tura nemtsev Povolzh'ya: problemy shkoly i obrazovaniya 1764—1941 gg.: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [Spiritual culture of the Germans in the Volga region: problems of school and education 1764—1941. Abstr. Dr. Dis.]. Saratov, 1998. 38 p. (In Russian)
5. Ditts Ya. E. *Istoriya povolzhskikh nemtsev-kolonistov* [The history of the Volga German colonists]. Moscow, 2000. 495 p. (In Russian)
6. Dolgov E. B. “Ne soputstvuemyi nich'eyu lyubov'yu” (sud'ba M. L. Magnitskogo) [“Not accompanied by anyone's love” (the fate of M. L. Magnitsky)]. *Gasyrlar avazy*, 2011, no. 3/4, pp. 134—140. (In Russian)
7. Karnishina N. G. Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya v Rossii vo vtoroi polovine XIX v. [State-church relations in Russia in the second half of the XIX century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2014, no. 5 (31), pp. 16—22. (In Russian)
8. Karnishina N. G. Reformy prosveshchennoi byurokratii v Rossii na primere raboty redaktsionnykh komissii 1850-kh gg. [Reforms of the enlightened bureaucracy in Russia on the example of the work of the drafting commissions of the 1850s]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki*, 2016, no. 3 (39), pp. 15—25. (In Russian)
9. Klaus A. A. Dukhovenstvo i shkoly v nashikh nemetskikh koloniyakh [Clergy and schools in our German colonies]. *Vestnik Evropy*, 1869, vol. 1, book 1, pp. 138—174; book 4, pp. 235—274. (In Russian)
10. Klimkina E. V. Religioznoe vospitanie v Rossii poslednikh let tsarstvovaniya Aleksandra I [Religious education in Russia in the last years of the reign of Alexander I]. *Kul'tura i istoriya v komparativnom izmerenii: materialy I Vseros. nauch.-metodol. seminarov* [Modernization of culture: the order and metamorphosis of communication: materials of the III Internat. scientific-practical conf.]. Samara, 2012, pp. 61—66. (In Russian)
11. Klimkina E. V. Tema obrazovaniya i vospitaniya v rabotakh D. P. Runicha [The theme of education and upbringing in the works of D. P. Runich]. *Modernizatsiya kul'tury: poryadki i metamorfozy kommunikatsii: materialy III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Modernization of culture: the orders and metamorphoses of communication: materials of the III Internat. scientific-practical conf.]. Samara, 2015, part 1, pp. 236—240. (In Russian)
12. Maskarova T. A. Rol' shkol'nogo obrazovaniya v protsesse formirovaniya edinogo yazyka obshcheniya v koloniyakh nemtsev Povolzh'ya [The role of school education in the process of forming a single language of communication in the colonies of the Germans in the Volga region]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2015, no. 1 (43), part 2, pp. 142—146. (In Russian)
13. Minakov A. Yu. *Russkii konservatizm v pervoi chetverti XIX veka* [Russian conservatism in the first quarter of the XIX century]. Voronezh, 2011. 560 p. (In Russian)
14. Mironov B. N. Kul'turnyi kapital Rossii za tysyachu let [The cultural capital of Russia for a thousand years]. *Ekonomicheskaya politika*, 2013, no. 1, pp. 62—95. (In Russian)
15. Nazarenko E. Yu. Evolyutsiya religioznykh vzglyadov knyazya A. N. Golitsyna [Evolution of the religious views of Prince A. N. Golitsyn]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya. Politologiya*, 2014, vol. 29, no. 1 (172), pp. 82—88. (In Russian)
16. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan* [National Archive of the Republic of Tatarstan] (NART). F. 92. Op. 1. D. 1605.
17. NART. F. 92. Op. 1. D. 1744.
18. NART. F. 977. Op. Sovet. D. 948.
19. NART. F. 977. Op. Uchilishchnyi komitet. D. 1025.
20. Pleve I. R. *Nemetskie kolonii na Volge vo vtoroi polovine XVIII veka* [German colonies on the Volga in the second half of the 18th century]. Moscow, 2008. 400 p. (In Russian)
21. Dubman E. L., Kabytov P. S. (eds.) *Povolzh'e — “vnutrennyaya okraina” Rossii: gosudarstvo i obshchestvo v osvoenii novykh territorii (konets XVI — nachalo XX v.)* [The Volga region is the “inner edge” of Russia: the state and society in the development of new territories (late XVI — early XX century)]. Samara, 2007. 328 p. (In Russian)
22. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 1-e: v 45 t.* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1: in 45 vol.]. St. Petersburg, tip. 2 Otd-niya Sobstv. e. i. v. kantselyarii Publ., 1830. (In Russian)
23. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 2-e: v 55 t.* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 2: in 55 vol.]. St. Petersburg, tip. 2 Otd-niya Sobstv. e. i. v. kantselyarii Publ., 1830—1885. (In Russian)

24. Cherkaz'yanova I. V. Tsentral'nye nemetskie uchilishcha Povolzh'ya v 1833—1917 godakh (po materialam Natsional'nogo arkhiva Respubliki Tatarstan) [Central German Schools of the Volga Region in 1833—1917 (based on the materials of the National Archive of the Republic of Tatarstan)]. *Nemtsy Sibiri: istoriya i kul'tura: materialy 5-i Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Germans of Siberia: History and Culture. Materials of the 5th Internat. scientific-practical conf.]. Omsk, 2006, pp. 259—266. (In Russian)
25. Shakirova L. K. M. L. Magnitskii kak popechitel' Kazanskogo universiteta [M. L. Magnitsky as a trustee of Kazan University]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*, 2005, no. 8, pp. 162—164. (In Russian)
26. Yakunin V. N. Istoriya Samarskoi eparkhii: istoriografiya problemy [The history of the Samara diocese: the historiography of the problem]. *Karel'skii nauchnyi zhurnal*, 2014, no. 3, pp. 16—23. (In Russian)
27. Artamonova L. M. Modernization of “Collective Beliefs” and “Cultural Capital” in the Russian Empire: from Enlightened Absolutism to Civil Society. *Bylye gody. Rossiiskii istoricheskii zhurnal*, 2016, no. 41-1 (3), pp. 899—907.